

И. В. КРИВУШИН, Е. С. КРИВУШИНА

Ивановский университет

ИЗ «МЕМУАРОВ МАДАМ ДЕ МОТВИЛЬ ОБ АННЕ АВСТРИЙСКОЙ И ЕЕ ДВОРЕ»*

Когда парижане потеряли из виду своего Брюсселя¹, они все словно обезумели, крича на улицах, что они погибли, что они требуют вернуть им их защитника и что они все готовы умереть за него. Они собираются толпами, натягивают цепи поперек улиц и за короткое время возводят баррикады во всех кварталах города. Королева², узнав об этом беспорядке, посылает маршала де Ла Мейере³ на улицы, чтобы успокоить народ и напомнить ему о его долге. Кoadьютор Парижа⁴, который из-за непомерного честолюбия не имел особого желания содействовать излечению этого зла, был также послан туда; но намереваясь скрыть свою надежду на изменение существующего порядка вещей, он пошел <к восставшим>, облаченный в каппу⁵ и стихарь⁶; и, смешавшись с толпой, он увещевает народ, кричит <парижанам> о мире и напоминает им о повиновении, которое они обязаны оказывать королю, выказывая совершенно бескорыстное усердие в своих действиях. Возможно даже, что он вел себя в тот момент искренно; ибо если бы он благодаря этому смог добиться расположения королевы и оказаться нужным государству, его честолюбие было бы удовлетворено, и он не избрал бы иного пути, ведь его единственным желанием было любым возможным способом получить доступ к участию в государственных делах. На все слова, которые он сказал им, они отвечали, при всем уважении к его персоне, дерзко и возмущенно, когда речь заходила о долге перед королем, все время требуя своего защитника и предупреждая, что они не успокоятся, пока им его не возвратят; и, забыв об уважении к такому большому вельможе, как маршал де Ла Мейере, они стали бросать в него камни, осыпали его тысячью оскорблений и, угрожая ему, подвергли ужасным поношениям королеву и ее министра⁷. Они произнесли в его адрес ругательства, за которые поплатились бы виселицей, если бы король обладал властью⁸ и если бы королева, при ее особой мстительности, имела <в тот момент>

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (00-06-80111).

Перевод с французского языка отрывка, посвященного началу Французской Фронды — так называемому «Второму Дню Баррикад» выполнен по изданию: Madame de Motteville. Mémoires pour servir a l'histoire d'Anne d'Autriche, épouse de Louis XIII, roi de France. Amsterdam, 1783. Vol. 2. P. 332–356.

¹ Речь идет об аресте 26 августа 1648 г. советника Большой палаты Парламента Пьера Брюсселя (1576–1654 гг.), которого правительство рассматривало как одного из лидеров парламентской оппозиции своим финансовым мерам.

² Анна Австрийская (1601–1666 гг.), ставшая после смерти короля Людовика XIII регентшей при своем малолетнем сыне Людовике XIV (1643–1652 гг.).

³ Шарль де ла Порт, герцог де Ла Мейере (1602–1664 гг.) — командующий французской артиллерией.

⁴ Поль де Гонди (1613–1679 гг.), один из самых знаменитых участников Фронды, автор «Мемуаров»; с 1643 г. являлся коадьютором Парижским, т. е. заместителем столичного архиепископа.

⁵ Каппа — кардинальская или епископская мантия с широким ниспадающим капюшоном.

⁶ Стихарь — длинное платье с широкими рукавами, в которое облачались священники.

⁷ Кардинала Джулио Мазарини (1602–1661 гг.), фаворита Анны Австрийской и первого министра Франции в 1642–1661 гг.

⁸ Т. е. если бы он был совершеннолетним. Людовику XIV в 1648 г. было всего 10 лет.

возможность предать кого-либо смерти. Эти два человека вернулись в Пале-Рояль, чтобы посоветоваться о том, что следует делать в такой ситуации, когда слова оказались слишком слабым лекарством для столь серьезной болезни; но рассудив, что пока еще не стоит при этом первом жаре⁹ еще более раздражать народ, решили отправить их [коадьютора и маршала] обратно навстречу камням и оскорблениям. Они с готовностью согласились, хотя маршал де Ла Мейере страдал подагрой и не мог передвигаться без помощи жезла¹⁰, а коадьютор отличался слабым здоровьем. Туда послали также солдат, чтобы посмотреть, не испугает ли оружие эту разъяренную толпу; но после того как несколько выстрелов заставили <мятежников> немного отпрянуть, их гнев еще более увеличился, а их ярость стала еще сильнее. Поскольку это лекарство, которое им дали насильно, чтобы испытать, не будет ли такое зрелище полезным для их выздоровления, не возымело действия, его прекратили применять и решили, что будет лучшим не предпринимать ничего необычного, боясь показать <восставшим> парижанам, что их безумие было действительно опасным для Франции. Весь этот день прошел в надежде, что смута утихнет, но и в великом страхе, как бы она не усилилась. Как обычно, собрались в Пале-Рояль, и мы там оставались спокойными, веселясь и болтая по привычке о всякой ерунде; ибо, помимо того что в подобных случаях никто не желает говорить, что думает, и не хочет выказывать страх, никто также не желает стать первым предвестником зла. Действительно, многие среди пришедших к королеве, представляя вещи в ложном свете, бездумно говорили ей, что это все ерунда и что все уже успокаивается. Короли легко обманываются: наша регентша была такой же; обладая от природы безграничным мужеством, она насмеялась над народными волнениями и не могла поверить, что они могут стать причиной большого зла. Вечером коадьютор вернулся к королеве от имени народа, вынужденный исполнить поручение <парижан> и еще раз потребовать от нее <выдачи> арестованного¹¹; они были полны решимости, по их словам, освободить его силой, если им в этом откажут. Так как сердце королевы не было подвержено слабости, и, казалось, она обладала мужеством, которое могло бы устыдить самых отважных, а, с другой стороны, кардинал не считал выгодным постоянно идти на уступки, она посмеялась над этой речью, и коадьютор вернулся без ответа. Один из его друзей и немного мой <друг>, который, возможно, так же, как и он¹², в душе не слишком отчаивался из-за неудачных действий Двора и который не покидал его в течение всего дня, шепнул мне на ухо, что все погибло, что нет ничего забавного в том, чтобы считать это ерундой, что всего можно бояться ввиду наглости народа, что улицы уже полны людей, кричащих против королевы, и он не верит, что это все может легко успокоиться.

Наступившая ночь побудила их всех разойтись и укрепила королеву в убеждении, что случившегося днем не надо бояться вовсе. Она обратила все в насмешку и спросила меня, когда уходила из зала, направляясь в спальню, не слишком ли мне страшно. Эта правительница постоянно ополчалась на меня за мою трусость: до такой степени, что она даже оказала мне честь и сообщила мне весело, что в полдень, немного спустя после ее возвращения с *Te Deum*¹³, когда пришли ей сказать о беспорядке, который начал производить народ, она

⁹ Имеется в виду жар во время болезни (метаф.), т. е. первая вспышка возмущения.

¹⁰ Мадам де Мотвиль играет здесь на многозначности слова *bâton* — это и обычная трость, и маршальский жезл.

¹¹ Брюсселя.

¹² Кoadьютор.

¹³ Речь идет о благодарственном молебствии в Нотр-Дам 26 августа 1648 г. по случаю победы принца Конде над испанцами при Лансе. *Te Deum* — молитва, начинающаяся словами «Тебя, Господи, славим».

сразу же подумала обо мне и о том страхе, который я почувствую в тот момент, когда услышу такую ужасную новость и столь пугающие слова «натянутые цепи» и «баррикады». Она верно догадалась: ибо, когда мне пришли сказать, что Париж вооружен, я была готова умереть от изумления, не веря, что в Париже, месте удовольствий и наслаждений, когда-либо можно увидеть войну или баррикады, если только не в истории и при жизни Генриха III¹⁴. Словом, так шутили весь вечер; и, поскольку я была наименее мужественной из всего общества, весь стыд этого дня пал на меня. Я посмеялась в душе не только над моим страхом, но также и над словами, которые за два часа до того мне столь милостиво передал Лег¹⁵. Можно было лишь восхищаться, насколько различно воспринимаются вещи в зависимости от различных человеческих склонностей.

В тот же день, узнав о сосланных¹⁶, первый президент¹⁷ пришел к королеве, чтобы попросить у нее за своих собратьев; но она отослала его без ответа. Народ, который подозревал его в соглашательстве с Двором, отправился к нему; негодяи, полные бешенства, кричали ему, что он предатель и что он продал своих: так что он был вынужден, чтобы их успокоить, пройти пешком по улицам и показаться этим бунтовщикам, чтобы оправдаться перед ними. Без такой твердости они, возможно, зашли бы гораздо дальше в своей наглости. Его мягкость умиротворила их ярость, и они приняли его оправдания при условии, что он вернется <к королеве> потребовать Брюсселя; это он и сделал со столь же малым успехом, как и в первый раз.

На следующий день, как это было решено на совещании предшествующего дня, канцлеру¹⁸ было приказано отправиться во Дворец¹⁹ и председательствовать там, чтобы успокоить умы и предотвратить беспорядки, которые могли бы произойти под предлогом этого дела. Смута ужаснула всех, и друзья канцлера сказали ему, что это поручение им кажется чрезвычайно опасным для него. Он увидел так же, как и другие, опасность, которой он подвергался; но эта душа, слишком чувствительная к благоволению <со стороны высших>, не была столь же привязана к жизни: он предпочел этому страху возможность совершить поступок, который превосходил бы обычные; и так как сама королева посчитала его необходимым, он решил отправиться туда, не показывая и тени слабости. Он вышел в пять часов утра и направился во Дворец, или, точнее сказать, он вышел из своего дома с этим намерением. Епископ Мо, его брат²⁰, пожелал поехать с ним, и его дочь, герцогиня де Сюлли²¹, красивая, молодая и мужественная, бросилась в карету, несмотря

---

¹⁴ Генрих III Валуа (1551–1589 гг.) — король Франции в 1574–1589 гг. При нем произошло восстание в Париже, получившее в истории название «Первого Дня Баррикад» (12 мая 1588 г.).

¹⁵ Маркиз Жоффруа де Лег (1604–1674 гг.) — капитан гвардейцев Гастона Орлеанского.

¹⁶ Брюссель был отправлен в Сен-Жермен, а президент Апелляционной палаты Бланмениль, также арестованный, — в Венсенн.

¹⁷ Матье де Моле (1584–1656 гг.), первый президент Парижского парламента в 1641–1653 гг.

¹⁸ Пьер Сегье (1588–1672 гг.), канцлер Франции в 1635–1672 гг.

¹⁹ Имеется в виду Дворец Правосудия, где заседал Парижский парламент. Он находился в западной части острова Ситэ.

²⁰ Доминик Сегье (1593–1659 гг.), младший брат канцлера.

²¹ Шарлотта Сегье (1623–1704 гг.) — младшая дочь канцлера, супруга Максимилиана Франсуа де Бетюна, герцога де Сюлли (1614–1661 гг.), губернатора Манта.

на его усилия помешать ей сесть туда. Когда он оказался на Новом мосту, три или четыре ужасных негодяя остановили карету и нагло потребовали от него вернуть им арестованного²², говоря ему, что если он этого не сделает, они убьют его в сей же час. Когда эти отчаянные подняли шум, набежали другие, окружили его и стали угрожать ему тем же. Он же, не зная, что предпринять и как ускользнуть от этой черни, избежав неприятностей, приказал своему кучеру ехать дальше и двигаться к <монастырю> августинцев, где находился дом герцога Люиня, его друга, чтобы укрыться там в случае, если его к этому вынудит толпа, или же добраться до Дворца по более безопасному пути через мост Нотр-Дам: ибо он посчитал, что добрые горожане не отдадут его на расправу бунтовщикам. Когда он доехал до <монастыря> августинцев, толпа стала расходиться: так что он принял решение дойти отсюда до Дворца пешком и оставить свою карету у герцога де Люиня; но не сделал он и трех шагов, как один негодяй огромного роста, одетый в серое, снова начал кричать: «К оружию! К оружию! Убьем его и отомстим ему за все несчастья, которые мы терпим». От этого ситуация накаляется и беспорядок усиливается, и канцлер вынужден броситься в отель Люинь, чтобы найти там надежное убежище. В этом доме люди еще не проснулись; ему встретилась только одна старая женщиной, которая, увидев канцлера Франции, умоляющего ее о помощи, взяла его за руку и отвела в чуланчик, обитый еловыми досками и расположенный в конце одного зала. Не успел он туда войти, он и его свита, как нагрянула эта чернь, страшно крича, спрашивая, где он, и клянясь на все лады, что они схватят его. Одни говорили: «Арестованный за арестованного; мы обменяем его на нашего дорогого защитника». Другие, более обозленные, говорили, что его следует расчленить и разорвать на куски, чтобы выставить в общественных местах и таким актом мести выразить свое недовольство. Ища его, они дошли до этого чуланчика; и не найдя никого в том зале, они удовлетворились тем, что несколько раз постучали по доскам и послушали, не раздастся ли там какой-либо шум, а затем отправились искать дальше. Надо думать, что этому министру в то время, когда они находились у его дверей, было нелегко, и он чувствовал себя обычным смертным. Он исповедался в этом чуланчике своему брату, епископу Мо, и полностью приготовился к смерти. Он послал в Пале-Рояль за помощью; и как только узнали об опасности, в которой он находился, дали приказ жандармам и легкой кавалерии туда отправиться. Маршал де Ла Мейере отправился за ним с двумя ротами швейцарцев; и этот славный арестант был избавлен от опасности по прибытии военачальника. Тот приказал взять его под руки и отвести его пешком до Пале-Рояля; ибо в этой суматохе не смогли найти его кареты; все это пустяк, главное было — избежать ярости толпы.

Главный судья²³ также отправился оказать помощь канцлеру; и встретив его по дороге, он посадил его в свою карету вместе с дочерью, герцогиней де Сюлли, и епископом Мо. Когда они проехали мимо площади Дофина, посередине Нового моста народ, разгневанный тем, что потерял свою жертву, дал по ним залп, от которого несколько окружавших их карету солдат были убиты. Герцогиня де Сюлли получила удар в руку от выстрела из мушкета, от пули, уже утратившей свою силу, ибо стреляли издали: поэтому она не была им ранена, но только сильно контужена. Королевский пристав, который всегда следует за канцлером, был убит этой чернью, так же как и один из сопровождавших его гвардейцев. Они прибыли к королю весьма встревоженные этим происшествием, и канцлер оставался там несколько дней, не осмеливаясь воз-

²² Брюсселя.

²³ Lieutenant civil — главный судья Парижского префектурства (Шатле).

вращаться к себе из страха, как бы чернь, воспламенившись, не возымела намерения разграбить его дом. По его возвращении, когда я увидела его в его покоях, он описал мне то состояние, в котором в тот момент находился, и когда я спросила его, нашел ли он лик смерти слишком ужасным, он сказал мне, что испытал то, что человек по своей природе не может не почувствовать, но Бог оказал ему великую милость, побудив его всецело заняться спасением <души> и просить прощения за грехи.

Вот как прошло утро второго дня, который был не лучше первого. По пробуждении королевы, в девять часов утра, ей сообщили эту новость. Она была безгранично разгневана — не только из сострадания к человеку такого ранга, который, служа ей, в течение двух часов находился в руках тысячи негодяев, достойных веревки, но также по причине раны, нанесенной этим ударом ее власти, что неминуемо создавало опасность для государства и должно было иметь дурные последствия из-за молвы, которая распространится среди чужестранцев. Она знала, что при этом известии они [чужестранцы] снова встрепенутся, ибо если к канцлеру Франции не питают уважения в Париже, а люди на улицах пытаются убить его, представителя короля, то это явный знак того, что могущество властителя уничтожено, а любовь подданных к своему повелителю, должно быть, угасла в них.

После того как королева испытала эту горечь, причина которой говорила ей, что, несмотря на ее упорную невозмутимость, она должна всего бояться, ей пришлось встать, чтобы принять Парламент, явившийся к ней в полном составе с просьбой <вернуть> арестованного. Она заговорила с ними [членами Парламента] жестко, рассудительно и спокойно, ибо в таких обстоятельствах она действовала, исходя из своих собственных чувств и по собственному разумению. Из многого, что она сказала, в памяти у меня остались некоторые слова, которые показались мне достойными быть отмеченными, <а именно>: что для них неприлично и постыдно вместе с народом совершить столь многое ради Брюсселя, тогда как во времена королевы, ее свекрови²⁴, когда Принц был заключен в Бастилию²⁵, они не выказали ровно никакого недовольства; что потомки будут с ужасом взирать на причину стольких беспорядков и что король, ее сын, когда-нибудь найдет время осудить их поведение и наказать их за него. Первый президент почти ничего не ответил ей, и тогда президент де Мем²⁶, прервав его, также взял слово и произнес: «Осмелюсь, Мадам, вам сказать, что при том состоянии, в котором находится народ, нужно думать только о лекарстве, и Вашему величеству следует, как мне кажется, отдать нам арестованного по собственной воле и милосердию, избежав тем самым несчастной участи быть принужденной к этому силой». Королева ему возразила, что нельзя наносить такой ущерб королевской власти и оставить безнаказанным человека, который столь дерзко напал на нее; что они должны прекрасно видеть по мягкости ее правления, каковы ее намерения, и что в своей душе она склонна его простить; но они хорошо знают, что короли обязаны придерживаться определенной строгости, дабы держать народы в некотором страхе.

После такого рода обсуждений она оставила их, и первый президент, пойдя за ней, стал умолять ее вновь обдумать то, что она делает. На что королева, уже

---

²⁴ Марии Медичи (1573–1642 гг.), супруги Генриха IV и матери Людовика XIII, регентши Франции в 1610–1614 гг.

²⁵ В 1616 г. Мария Медичи по совету своего фаворита Кончино Кончини арестовала вождя аристократической оппозиции принца Анри II де Конде (1588–1646 гг.) и заключила его в Бастилию, откуда он был освобожден только в 1619 г.

²⁶ Анри де Мем (ум. 1650 г.) — президент Большой палаты Парижского Парламента с 1627 г.

подготовленная своим министром, как она в том позже призналась, возразила, что им, с их стороны, следует делать то, что они должны делать, — проявлять в будущем больше уважения к желаниям короля, а она, со своей стороны, окажет им в таком случае все милости, которые они по праву могут ожидать от нее. Присутствовавший там канцлер, разъясняя смысл ответа <королевы>, дал понять им, что если они пообещают больше не обсуждать декларацию²⁷ и полностью прекратить собрания по поводу государственных дел, она вернет им арестованных, поскольку единственная причина, заставившая королеву сделать то, что она сделала, — это их мятеж и запрет, каждый день налагаемый ими на декларацию, которая их осыпала милостями и которая в достаточной степени являла им доброту Ее Величества и мягкость ее министра. Услышав это предложение, вся компания решила вернуться во Дворец, чтобы обсудить, какой ответ им дать. Они вышли от королевы в том же порядке, в каком и пришли. И когда они оказались на улице Сент-Оноре, у первых встретившихся на их пути баррикад они были остановлены народом, который окружил их, крича и требуя Брусселя. Некоторые <из толпы> подошли к первому президенту и, приставив пистолет к горлу, всячески оскорбляли его и угрожали, что если он не возвратит им господина де Брусселя, они его убьют. Они на деле продемонстрировали достоточно готовности расправиться с ним; но он спас себя благодаря своей стойкости и твердости духа, уверяя их, что он только что приложил для этого все усилия; услышав эти слова, они сохранили ему жизнь при условии, что он сейчас же вернется к королеве и скажет ей, что если он этого не добьется, они разорвут его на тысячу частей.

Вся эта компания вернулась обратно, изумленная тем, что ярость народа обратилась и на них. Они признавали себя причиной этих беспорядков и, если бы даже захотели, то не смогли прекратить их; ибо когда народ берется приказывать, нет больше господина, и каждый в отдельности хочет им быть. Прославленная Римская республика, ставшая властительницей почти всего мира, узнала на опыте, насколько опасно предоставлять ему [народу] участие в управлении, и эти знаменитые завоеватели²⁸, у которых каждый гражданин считал себя выше царя, без сомнения почувствовали в силу этой благородной иллюзии любви к свободе, какой суровой, жестокой и пагубной вещью является народная ярость.

Франция, которая привыкла к прекрасному и почетному повиновению своим правителям, рассматривала стремление народа к власти в Париже как тяжелый недуг государства, и даже Парламент не ожидал этого. Я посетила короля вскоре после возвращения «длинных мантий»²⁹ в Пале-Рояль и увидела, как они проходили из Большого кабинета королевы по террасе, соединяющей две части этого здания, направляясь в Большую королевскую галерею, чтобы сделать там то, что они собирались сделать во Дворце, т. е. найти средство для излечения возникшего зла. Они не ели целый день, а было уже поздно. Скорее из жалости, чем из вежливости королева позаботилась, чтобы им принести хлеб и вино с мясом, которые им пришлось, как мне кажется, есть с большим стыдом, ведь они осознавали себя виновниками этих беспорядков, волнений королевы, ареста Брусселя и мятежа народа.

---

²⁷ Речь идет о королевской декларации, согласно которой король обещал не вводить в будущем новых налогов без санкции Парламента — это означало, что все предшествующие налоги, не зарегистрированные Парламентом, приобретут законную силу. Парламентарии начали обсуждение этой декларации 17 августа 1648 г. и внесли в нее ряд изменений, объявив в том числе, что все прежде незарегистрированные в Парламенте налоги являются недействительными.

²⁸ Римляне.

²⁹ Так во Франции называли судейских из-за длинных одежд, которые они традиционно носили.

После их трапезы герцог Орлеанский³⁰ присоединился к ним, чтобы занять там свое обычное место. Туда также явился и канцлер³¹, чтобы председательствовать, что он сделал с большим присутствием духа, хотя и был полон воспоминаний о смертельной опасности, которой он только что подвергся. Кардинал заглянул туда на минуту, чтобы попросить их подумать серьезно и с чистым сердцем о лекарстве от болезней, которые могли возникнуть из зарождающегося мятежа. Он был очень умен и достаточно хорошо говорил на нашем языке: он даже писал на нем так, что мог вызвать восхищение; но так как у него сохранялся акцент его родины³², он не обладал ни приятностью речи, ни легкостью изысканного разговора. Он лишь сказал им по этому поводу, что верит в их добрые намерения, что такие же намерения и у королевы, а потому им очень легко договориться. Один из моих друзей, участник этого собрания, сказал мне, что затем он [Мазарини] многократно и весьма невнятно повторял эти несколько слов; так что его небольшая речь вызвала только смех у тех, кто не собирался принимать всерьез его вполне разумные советы. Это доказывает нам, что в человеческом сердце от природы заключена несправедливость, а справедливость часто из него изгнана. Если бы этого не было, они бы оценили разумные слова, какими бы устами они ни были произнесены.

Весь этот день, несмотря на баррикады, у королевы, рядом с которой постоянно находились королева Англии³³ и несколько принцесс, было много народа в ожидании решения, которое примет Парламент. Кардинал не был спокоен и в том же ожидании он заперся в Малом кабинете королевы вместе с аббатом Ла Ривьером³⁴, который не был так опечален, как он; ибо он надеялся, что ослабление министра послужит его собственному возвышению. Эта печаль совсем не отражалась на лице кардинала: напротив, когда он появлялся в обществе, он выказывал полное спокойствие; и, как я это уже отметила в другом месте, он был более человечным и более мягким в несчастье, чем в счастье: он не избегал тех, кто хотел разговаривать с ним так же сухо, как <разговаривал он>, когда был доволен и удовлетворен. По этой причине придворные всегда желали ему какой-либо неприятности, чтобы его унижить, ибо человеку свойственно настраивать свои чувства согласно своим интересам; и самый мудрый из всех перестает быть таковым, когда ему отказывают в желаемом со знаками презрения и грубости. Несмотря на мягкость кардинала, она часто отсутствовала в его поведении и словах: последние были почти всегда сухими и очень отличались от его обещаний, которые никогда, за исключением редких случаев, не давали необходимого эффекта, если только его не вынуждали к этому интриги жаждущих <милостей>: они почти всегда вырывали у него благодеяния, используя скорее его слабость, чем его доброту.

Когда члены Парламента завершили обсуждение, они пришли к королеве, которая приняла их в своей Малой галерее, и ни одной дамы не было рядом с ней. Первый президент от имени своих коллег выразил ей свою верность в кратком приветствии и сообщил ей о принятом решении — они обещали отложить и отсрочить все свои обсуждения до дня Св. Мартина³⁵, за исключением вопроса о рентах и тарифе.

³⁰ Герцог Гастон Орлеанский (1608–1660 гг.) — младший брат Людовика XIII.

³¹ Принцы крови и канцлер имели право участвовать в заседаниях Парламента.

³² Мазарини был итальянцем по происхождению.

³³ Генриетта Мария Французская (1609–1669 гг.) — дочь Генриха IV, супруга Карла I Английского, с 1644 г. жила во Франции.

³⁴ Луи Барбье, аббат де Ла Ривьер (1595–1670 гг.) — первый духовник Гастона Орлеанского.

³⁵ 12 ноября.

Это решение не имело ничего хорошего. За таким обещанием скрывалось истинное намерение <членов Парламента> начать все заново после дня Св. Мартина, когда они смогут собраться в то время, в которое пожелают, для обсуждения любого вопроса; и, тем не менее, вследствие этой отсрочки королева, вынуждаемая положением, в котором находился Париж, согласилась [выдать] им арестованного и тут же вручила им королевский указ доставить того в королевских каретах, чтобы это произошло как можно быстрее.

Эта вынужденная милость, лишь немного приукрашенная внешним и кратковременным повиновением, которое, по правде говоря, было ничем иным, как победой, одержанной ими [бунтовщиками] над королевством, причинила боль королеве и, конечно, кардиналу. Она также вызвала горечь в душах добрых французов, число которых было невелико; ибо те, кто составлял Двор, заразили его ненавистью или же пропитали желанием увидеть перемену в судьбе министра: так что можно сказать, что несчастья королевы были велики и что мало кто ей сочувствовал.

И вот <перед нами> королева, вынужденная вернуть арестованного Брюсселя. Парламент торжествует победу и вместе с народом становится хозяином положения. Горожане взяли за оружие по приказу короля, боясь, как бы наглая чернь не стала слишком могущественной: отряды городской милиции несли караул в таком порядке, что можно сказать — никогда беспорядок не был так хорошо организован и никогда мятеж не был так велик и неистов; по всей видимости, он мог причинить еще больше зла, чем он причинил. Но горожане, которые очень охотно взяли за оружие, чтобы спасти город от грабежа, вовсе не были умнее народа и требовали Брюсселя столь же искренно, как и чернь; ибо, кроме того что все они были заражены любовью к общественному благу, которое они не отделяли от своего собственного, слишком любили упомянутый Парламент и единодушно ненавидели министра, они были полны радости от мысли, что стали необходимы. Они думали, что принимают участие в управлении <королевством>, поскольку охраняют ворота города, и каждый в своей лавочке рассуждал о государственных делах. Они не производили столько шума, как другие, однако требовали Брюсселя со всей твердостью и говорили, что не разоружатся, пока не увидят его собственными глазами.

После того как Парламент получил у нее [Анны Австрийской] аудиенцию, вся эта компания вышла из Пале-Рояля, столь же торжествующая, сколь униженной была королева. Народ и горожане спросили их, что они сделали для Брюсселя. Они им ответили, что добились его освобождения; и один из его племянников, находившийся в их компании, вышел с королевским указом и пообещал, что <Брюссель> будет в Париже завтра в десять часов утра. Это обещание несколько утешило и немного успокоило их; но стоило возникнуть лишь малейшему сомнению, как они возобновляли свои проклятия; и когда они приходили в гнев, их неистовство против королевы и министра было невероятным. Они не притворялись, когда говорили, что если их обманут, они пойдут грабить Пале-Рояль и изгонят этого чужестранца³⁶; и они постоянно кричали: «Да здравствуют только лишь король и господин Брюссель!».

Ночь была достаточно тяжелой; ибо при таких волнениях следует всего бояться. В Пале-Рояле была большая тревога: даже королева при всей своей твердости испытывала беспокойство; горожане непрерывно стреляли, и они находились столь близко от королевского дворца, что часовые из гвардейского полка и часовые с улицы Сент-Оноре могли видеть друг друга. Угрозы, которые они произносили, не были тайной для кардинала, и, несмотря на веселость, которую он выказывал на публике, он не переставал осторожни-

³⁶ Т. е. Мазарини.

чать, как человек, охваченный страхом. Он не ложился всю ночь, не снимал сапог и был готов сесть на коня, если его принудят к этому ярость и безумие народа. У него были телохранители, стоявшие у его дверей, а в его конюшне находилось большое число мушкетов, чтобы защищаться при нападении. Он держал в Булонском лесу отряд кавалерии для своего сопровождения на случай, если он будет вынужден уехать; и верные ему люди не оставляли его до самого рассвета. Итальянец, состоявший при нем, который был столь же труслив, сколь и умен и который не испытывал большой любви к своему господину, сказал мне на следующий день, что даже ради всего Французского королевства он не пожелал бы провести ночь, подобную этой.

На следующий день мятежники, ожидая прибытия арестованного, продолжили свои угрозы, громко заявляя, что хотят послать за герцогом де Бофором³⁷, чтобы он их возглавил. Их наглость возросла, когда им сообщили, что в Булонском лесу видели кавалерию. Поскольку они не могли понять, в чем дело, они вообразили, что там устроена засада из десяти тысяч человек, чтобы наказать их за мятеж. Когда они услышали, что прозвонило восемь часов, а арестованный еще не появился, крики настолько усилились, а угрозы стали такими страшными, что Париж в тот момент представлял собой нечто ужасное. Когда, наконец, в десять часов этот народный трибун прибыл, возгласы радости были бесконечны: цепи были опущены, а баррикады разобраны, чтобы дать ему пройти; и еще ни один триумф короля или римского императора не был более грандиозен, чем триумф этого жалкого человечка, который не имел других заслуг, кроме как упорства <в защите> общественного блага и ненависти к налогам: это на самом деле было бы похвально, если бы он вел себя добропорядочно и осторожно и если бы его добродетель была совершенно лишена заговорщического духа; ибо мне известно, что в течение всей войны³⁸ мятежники, которые действовали исключительно из корыстных интересов, имели с ним тесные связи и подолгу советовались с ним. Вот почему его добродетели не были ни чистыми, ни свободными от порока. Его привели в Нотр-Дам, где народ потребовал пропеть *Te Deum*; но этот бедняга, стыдясь такого шума, ускользнул из их рук и, выйдя через заднюю дверь церкви, отправился к себе, куда пришли многие придворные, чтобы из любопытства поглядеть на него.

---

³⁷ Франсуа де Вандом, герцог де Бофор (1616–1669 гг.) — принц крови, один из вождей Фронды, кумир парижской черни.

³⁸ Имеется в виду Фронда (1648–1652 гг.).